

**Доктор Роберт А. Петерсон, Теология как таковая, сессия 4,
Исторические рассуждения о Троице, третий век и введение в Августина**
© 2024 Роберт Петерсон и Тед Хильдебрандт

Это доктор Роберт А. Петерсон в своем учении о собственно теологии, или Боге. Это сессия 4, Исторические зондирования Троицы, Третий век и введение в Августина.

Мы продолжаем изучение Троицы, изучая историческое богословие Троицы и «Ранние христианские доктрины» Дж. Н. Д. Келли, переходя к тринитаризму третьего века.

В третьем веке в тринитарной мысли появились противоречивые тенденции, которые должны были предоставить материал для последующих споров. До сих пор преобладающей заботой христианского теизма было единство Бога. Борьба с язычеством и гностицизмом выдвинула эту статью на передний план.

В результате, хотя теологи смутно осознавали различия внутри единого неделимого Божества, они не проявляли особой склонности к исследованию вечных отношений трех, а тем более к построению концептуального и лингвистического аппарата, способного их выразить. Экономический тринитаризм типа ранних отцов продолжал находить своих сторонников в конце второго и начале третьего веков. Однако его успех вызвал на поверхность мощную реакцию в кругах, которые сторонились учения о Логосе и подозревали, что растущий акцент на тройственности, раскрытой откровением, ставит под угрозу божественное единство.

Это течение мысли было особенно заметно на Западе. Оно называлось монархианством, потому что его приверженцы, как это видел Тертуллиан, боялись экономики и искали убежища в монархии. Monarchia по-гречески, это аксиома, что существует единый божественный источник и принцип всех вещей.

В то же время на Востоке развивалось диаметрально противоположное движение. Оно приняло форму откровенно плюралистической концепции божества, которая пыталась, не жертвуя основным принципом монотеизма, отдать должное реальности и различию трех в вечном бытии Бога. Другими словами, их существованию как личностей.

Хотя изначально он был связан с Александрией, этот новый подход был призван оставить неизгладимое впечатление на греческом тринитаризме в целом и, по сути, на христианском мышлении в целом. Ипполит и Тертуллиан, наша первая задача — рассмотреть двух теологов, которые стояли более или менее прямо в линии Апологета и Иринея. Это были римский католик, римский антипапа и

мученик Ипполит, умерший в 235 году, и североафриканский Тертуллиан около 160-220 годов, или, как говорят некоторые ученые, около 220 года.

Как и их предшественники, оба придавали большое значение монотеизму, посвящая свою энергию опровержению гностического дуализма. Их идеи были в чем-то схожи, но Ипполит был более схематичен и имел более архаичный оттенок. Блестящий ум Тертуллиана смог сформулировать утверждение более непреходящей ценности.

Ключ к их учению, как и к учению Иринея, заключается в том, чтобы подходить к нему одновременно с двух противоположных направлений, рассматривая Бога А, как он существует в своем вечном бытии, и В, как он открывает себя в процессе творения и искупления. Всеобъемлющий термин, который они заимствовали у Иринея для последнего, был «экономия». Греческий, *oikonomia*, латинский, *dispensatio*.

От значения божественного плана или тайного замысла Бога, слово стало применяться в христианской теологии к воплощению, цели божественного замысла. Среди его первоначальных значений, однако, было распределение, организация, расположение ряда факторов в регулярном порядке или налоги, греческое слово, и поэтому оно было расширено, чтобы обозначить различие отца и сына, отца, извините, чтобы обозначить различие Сына и Духа от единого Отца, как раскрыто в разработке искупительного плана Бога, экономики. Во-первых, Ипполит и Тертуллиан оба имели концепцию Бога, существующего в уникальном одиночестве от всей вечности, но имеющего имманентно и нераздельно одно с собой по аналогии с умственными функциями человека, его разумом или словом.

Это учение известно со времен апологета Логоса и Диатетоса, и Ипполит фактически использует этот технический термин. Для него, как и для Татиона и Иринея, слово Бога и его мудрость различаются, будучи, по сути, Сыном и Духом, рассматриваемыми как неизбежные, но Тертуллиан следует традиции, которая приравнивает мудрость к слову. Тертуллиан недвусмыслен, указывая, что прежде всего Бог был один, будучи своей собственной вселенной, местоположением, всем.

Он был одинок, однако, в том смысле, что не было ничего внешнего по отношению к нему, но даже тогда он не был по-настоящему одинок, ибо он имел с собой разум, которым он обладал внутри себя, то есть свой собственный разум. Более того, он выявляет гораздо яснее, чем кто-либо из его предшественников, инаковость или индивидуальность этого неизбежного разума или слова. Божественного слова, которым Бог радиоцировал от вечности и которое составляет, цитирую, второе в дополнение к себе, закрытая цитата.

Во-вторых, однако, тройственность внутреннего бытия Бога проявляется, извините, в творении и искуплении. Согласно Ипполиту, когда Бог пожелал, он породил свое слово, используя его для создания вселенной и свою мудрость для ее украшения или упорядочивания. Позже, все еще имея в виду спасение мира, он сделал слово, доселе невидимое, невидимым при воплощении.

Вслед за этим, рядом с Отцом, то есть самим Божеством, было другое Божество; было другое, второе лицо, в то время как Дух завершал триаду. Но если в икономии раскрываются трое, то на самом деле есть только один Бог, поскольку Отец повелевает, Сын подчиняется, а Дух заставляя нас понимать. Ипполит больше всего настаивает на сущностном единстве, утверждая, что есть только одна сила и что когда я говорю о другой, я не имею в виду двух богов, но как бы свет от света, воду от ее источника, луч от солнца.

Эти слова проникли в некоторые символы веры. Ибо есть только одна сила, и та, что исходит из всего. Все есть Отец, а сила, исходящая из всего есть слово.

Он есть разум Отца, поэтому все вещи через Него, но Он один от Отца». Опять же, эти слова не следует судить по более поздней теологии, потому что если вы так сделаете, они будут звучать субординационистски, как будто лица не были лицами, это более позднее слово, как будто трое не были вечными, но несправедливо судить его на этой основе. Это значит совершать анахронизм. Ипполит не хотел обозначать слово как Сын в каком-либо ином смысле, кроме пролептического, до воплощения, пророческого смысла.

Тертуллиан последовал за апологетом, датируя свое совершенное поколение из его экстраполяции на дело творения. До этого момента нельзя было строго сказать, что у Бога был сын, тогда как после этого термин отец, который для ранних теологов в целом означал Бога-Отца как автора реальности, начал приобретать специализированное значение Отца Сына. Будучи таким образом образованным, слово Сын является личностью, персоной и вторым в дополнение к Отцу.

На третьем месте, однако, находится Дух, представитель или заместитель Сына. Он исходит от Отца через Сына, будучи третьим от Отца и Сына, так же как плод, происходящий от побега, является третьим от корня, и как канал, отведенный от реки, является третьим от источника, и как световая точка в луче является третьей от солнца. Он также есть личность, так что божество есть троица, Trinitas.

Тертуллиан первым использовал это слово. Эти три действительно численно различимы, поскольку их можно пересчитать. Таким образом, Тертуллиан

может утверждать: «Мы веруем только в одного Бога, однако подчиняемся этому устройению, которое является нашим словом для обозначения экономики, что у единого Бога есть также сын, его слово, которое вышло из него самого, и этот Сын затем послал, согласно своему обещанию, Святого Духа, параклета, из Отца».

Позже, в том же контексте, он может сбалансировать божественное единство с «тайной экономики, которая распределяет три в Троицу, устанавливая Отца, Сына и Духа как три». Тертуллиан приложил все усилия, чтобы показать, что троичность, раскрытая в экономике, никоим образом не была несовместима с сущностным единством Бога. Как и Ипполит, он утверждал, что хотя три лица были несколькими проявлениями единой неделимой власти, отмечая, что по аналогии с императорским правительством, один в том же суверенитете мог осуществляться координированными агентствами.

Как и апологет, он снова и снова отвергал предположение, что различие между тремя подразумевает какое-либо разделение или отделение. Это было *distinctio* или *dispositio*, распределение, а не *separatio*, и он цитировал единство корня и его побега, источника и реки, а также солнца и его света в качестве иллюстраций. Его характерный способ выражения этого состоял в том, чтобы заявить, что Отец, Сын и Дух едины по своей сути.

Таким образом, Отец и Сын являются одной идентичной субстанцией, которая не была разделена, а расширена. Утверждение Спасителя, Я и Отец едины, указывает на то, что трое являются одной реальностью, цитатой, а не одной личностью, указывая, таким образом, на тождественность субстанции, а не просто на численное единство. Сын имеет одну субстанцию с Отцом, и Сын и Дух являются общими с субстанцией Отца.

Используя грубый материалистический язык, он рассматривал божественный Дух как весьма разреженный вид материи, метафорически. Кантариец может сказать, цитата, что Отец есть вся субстанция, в то время как Сын есть производное от и часть целого, близкая цитата, где контекст ясно дает понять, что часть не следует понимать буквально как подразумевающую какое-либо разделение или отрыв. Таким образом, когда он подводит итог, он отвергает идею о том, что лиц может быть три по статусу, субстанции или силе.

Что касается их, Божество неделимо едино, и троичность относится только к степени, аспекту или проявлению, в котором представлены лица. Ипполит и Тертуллиан были едины с Иринеем в том, что они рассматривали три, явленные в икономии, как проявления множественности, которую они постигли, хотя и смутно, в грядущей жизни Божества. Где был прогресс Иринея, так это в его попытках, во-первых, а) сделать явным единство божественной силы или

субстанции, выражениями или формами которой были эти три, и б) в их описании их как лиц, *prosopa*, по-гречески, *personae*, по-латыни.

Следует отметить, что этот последний термин все еще сохранялся за ними, как проявленными в порядке откровения. Только позже он стал применяться к слову в Духе как неизбежному в вечном бытии Бога. Было много дискуссий о точном значении их терминологии, некоторые утверждали, что для Тертуллиана, во всяком случае, с его юридическим воспитанием, существенный означал часть собственности, которой могли совместно владеть несколько человек.

Однако на самом деле метафорический смысл был в его уме преобладающим, и слово обозначало божественную сущность, то, чем является Бог, с акцентом на ее конкретной реальности. Как он замечает, «Бог — это имя субстанции, то есть божественности, и слово, далекое от того, чтобы быть просто концептуальным небытием, является субстанциальным, субстанцией, состоящей из духа, мудрости и разума». Следовательно, когда он говорит о Сыне как о единосущном с Отцом, он имеет в виду, что они разделяют одну и ту же божественную природу или сущность.

И, фактически, поскольку Божество неделимо, они являются одним идентичным существом. С другой стороны, термины личность и лицо, греческие и латинские, были превосходно приспособлены для выражения инаковости или независимого существования трех. После первоначального значения лица, и, таким образом, выражения, а затем роли, бывшее греческое *prosopa*, или лицо или лицо, стало обозначать индивидуума, причем ударение обычно делалось на внешнем аспекте или объективном представлении.

Первичным значением латинского *persona* была маска, переход с которой был прост для актера, который ее носил, и персонажа, которого он играл. В юридическом употреблении это могло означать владельца титула на собственность, но в употреблении Тертуллиана это означало конкретное представление личности как таковой. Ни в том, ни в другом случае, следует отметить, идея самосознания в наши дни не ассоциировалась с личностью и личным вообще не была заметной.

Динамический монархизм, последние десятилетия второго века, стали свидетелями появления двух форм учения, которые, хотя и принципиально различались, были объединены современными историками под общим названием монархианство. Динамический монархианство, точнее называемое адопционизмом, было теорией, что Христос был простым человеком, на которого сошел Дух Божий. По сути, это была христологическая ересь, но

обстоятельства, при которых она возникла, оправдывают ее рассмотрение здесь, в рамках тринитаризма.

Модализм, то есть есть динамический монархианизм и модалистический Монархианство . Что у них общего? Монархианство — это царствование и единство Бога. Эти ошибки, а они были большими ошибками, показывают, что церковь не отступала от единства Божества.

На самом деле, он был настолько велик, что они пытались неправильно объяснить данные, касающиеся Сына, особенно Духа. Но его нельзя было вывести из единства Бога. Это хорошо.

Эти другие результаты были ужасны. Христос — всего лишь человек.

И Бог усыновил его, дав ему Духа. Ну, разве не это произошло при его крещении? Нет. Вечному Сыну, который стал человеком, был дан Дух для совершения его земного служения при его крещении.

Он не был, и да, он был принят в некотором смысле, но не в этом смысле, будучи просто человеком и будучи принятым как некое божественное существо, меньшее, чем Бог. Модализм, который был обозначен современниками как монархианство , имел тенденцию стирать различия между Отцом, Сыном и Святым Духом. Классификация обоих как форм монархианства исходит из предположений, что, несмотря на разные отправные точки и мотивы, они были объединены заботой о божественном единстве, или монархии .

Модалистический монархианство . Если динамическое монархианство было относительно изолированным явлением с преимущественно рационалистическим призывом, то этого нельзя сказать о собственно монархианстве , иначе называемом модализмом, которое было довольно распространенным популярным течением мысли, которое могло рассчитывать, по крайней мере, на определенную долю симпатии в официальных кругах. И движущей силой его было двойное страстное убеждение в единстве Бога и полной божественности Христа.

То, что заставило это сделать, было растущим подозрением, что первая из этих истин, единство Бога, подвергается опасности из-за новой доктрины Логоса и усилий теологов представить Божество как открывшееся в экономике как три-личность. Три — это Бог? Разве это не ставит под угрозу единство Бога? Это неоспоримая истина. Так оно и было, но результат был нехорошим.

Любое предположение, что Слово или Сын были чем-то иным или отдельной личностью от Отца, казалось модалистам неминуемо вело к богохульству о двух

богах. Поэтому, следовательно, модалист Монархианцы учили, что есть один Бог, и действительно он открыл себя как Отец, и во Христе он открыл себя как Сын, и в Пятидесятницу и после этого он открыл себя как Дух. Но это было сделано последовательно, а не одновременно.

Теперь Бог, единый Бог, был Отцом. Теперь тот же самый Бог был Сыном, больше не Отцом. И теперь единый Бог открылся как Дух, больше не Отцом и не Сыном.

Использование слова «мод» не имеет решающего значения, поскольку мы можем говорить о существовании трех лиц, трех модусов бытия и трех способов бытия в пределах одной божественной сущности, и это все ортодоксальные способы выражения. Но что имеет решающее значение, так это то, являются ли эти трое одновременно Богом или они являются тремя последовательно Богом? Пятидесятничество единства — это современная форма модализма, которая придерживается Иисуса Отца, Иисуса Сына и Иисуса Святого Духа. В борьбе ариан, тех, кто отрицал божественность Христа, вопрос, волнующий умы людей, был о полной божественности Сына.

Хотя это было существенной составляющей в учении о Троице, последнее поначалу держалось на заднем плане. Никейский Символ веры, действительно, просто подтвердил веру в Святого Духа, и должно было пройти много лет, прежде чем возникли какие-либо публичные споры о положении Духа в Божестве. Тем не менее, обсуждение более глубоких вопросов не могло откладываться на неопределенный срок, и здесь мы проследим формирование тринитарной ортодоксии.

Богословы, ответственные за это, были в основном на Востоке, каппадокийские отцы. Мне нужна еще одна строка, спасибо, мой друг. Василий Великий, 325-379, Григорий Нисский, его брат, 335-395, и Григорий Назианзин, 325-390.

Григорий Нисский был младшим братом Василия. На Западе, конечно, Августин. Мы хотим увидеть, как они это делали, но есть некоторые линии мысли, которые приводят нас к этому.

Первое — это обращение большого числа гомо-этусианских церковников к принятию гомо-этусианского взгляда. О, Боже, я уже говорил вам, что мы, профессиональные теологи, любим эти вещи, потому что они дают нам работу, эти различия. Второе — и я объясню, о чем я говорю, — возникновение интереса к статусу Святого Духа, достигшее кульминации в его признании как полностью личного и единосущного Отцу и Сыну.

Христианское богословие подверглось нападкам. Можете ли вы представить себе людей, которые начнут войну из-за одной греческой буквы? Ну, равен ли Сын Отцу и Отцу, или он подобен ему, это довольно важная концепция, и да, ее можно выразить буквой или тысячей слов, независимо от этого, это важный вопрос. Фигурами, в значительной степени затронутыми в первом из этих событий, были Афанасий и Иларий Пуатье.

Оба они понимали, что касается основных вопросов, что разрыв между гомо-эусианами и никейской партией, гомо-усианами, был чрезвычайно узким и что окончательный успех последней мог быть обеспечен установлением сближения между ними. Так, в своем De Sinatis 359 Афанасий сделал примирительный жест, приветствуя гомо-эусиан как братьев, которые, в сущности, были едины с ним, поскольку они признавали, что Сын был из ousia Отца, а не из другой ипостаси. Его подлинное потомство и совечные с ним, они были достаточно близки к признанию гомо-усиан, который один выражал с точностью истину, которую они, очевидно, принимали.

Иларий пошел еще дальше в своих формулировках. Еще один практический шаг большой важности был сделан в 362 году на Александрийском соборе, который состоялся под председательством Афанасия. Каждый внимательный читатель, должно быть, заметил и был поражен тем, в какой степени теологические разделения в то время создавались и поддерживались использованием различных и взаимно запутывающих теологических терминов.

На Александрийском соборе было официально признано, что важен не используемый язык, а лежащий в его основе смысл. Ура! Лингвистический прогресс, друзья мои. Таким образом, формула три ипостаси, до сих пор подозрительная для Никейцев, потому что она звучала для их ушей болезненно как три ousia, три божественных существа, была объявлена законной, при условии, что она не несла в себе арийского оттенка совершенно различных чуждых ипостасей, отличающихся по своей сути друг от друга.

Другими словами, три принципа или разные боги. То, что происходит, является примирением в силу определения и охраны языка, но просто выражено, то есть, ousia, три ousia, просто выразили отдельное существование трех лиц в единосущной триаде. Противоположная формула, одна ипостась, столь тревожащая анти-никейцев всех школ, была также одобрена, ее приверженцы были объяснены, что они не имели никаких гражданских намерений, но, приравнивая ипостась к ousia, просто пытались выявить единство природы между Отцом и Сыном.

Этим государственным решением, которое, кстати, шокировало многих на Западе, видевших в трех ипостасях исповедание тритеизма, союз между двумя

сторонами был фактически скреплен, и мы можем видеть в нем предзнаменование формулы, которая стала знаком ортодоксии, одна усия, три ипостаси, одна сущность, три лица. Была выдвинута теория, что, делая эти увертюры, Афанасий и Иларий санкционировали использование homoousion в смысле домашнего atousion, и это ошибка, которую мы не будем развивать, если рассматривать как отца и сына, лиц двое, и могут быть правильно обозначены как подобные, субстанция, которой они оба обладают, и находятся в одном, и являются единым и неделимым. Это государственное отношение Афанасия и Илрия не осталось без последствий.

Появившись в то время, когда большая часть омоусионов все больше опасалась угрозы явного арианства, он успокоил их подозрения, что ортодоксальная партия была закоренелой сибелианкой, и сделал теологию омоусиона более приемлемой для них. Омоусион Духа, Афанасий, вторая линия развития, то есть признание полной божественности Духа, требует более продолжительного обсуждения, включая отчет о пионерском вкладе Афанасия. Со времен Оригена теологическое размышление о Духе заметно отставало от благочестивой практики.

Ориген создал проблему, истолковывая Иоанна 1-3, чтобы доказать, что дух — это одно из того, что возникло через солнце. Ой. Каппадокийцам пришлось решать некоторые из этих вопросов.

Если бы они должны были ответить на арианскую насмешку, что гомоусия Духа, по-видимому, подразумевает, что Отец имеет двух сыновей, каппадокийцы скорее различали бы модус Оригена солнца и модус духа. Григорий Нисский предоставил то, что должно было доказать окончательное утверждение. Другие два каппадокийца не были столь ясны или выразительны.

Дух, учил Григорий Нисский, исходит от Бога и исходит от Христа. Он исходит от отца и получает от сына. Он не может быть отделен от слова.

Отсюда уже недалеко до идеи двойного исхождения духа. Согласно Григорию Нисскому, три лица должны различаться по их происхождению, Отец является причиной, а два других — вызванными. Два лица, которые вызваны, могут быть далее обозначены, поскольку одно из них непосредственно произведено Отцом, а другое исходит от Отца через посредника.

Рассматриваемый в этом свете, только Сын может претендовать на звание едиnorodного, и отношение Духа к Отцу никоим образом не ущемляется тем фактом, что он черпает свое бытие от него через Сына. Все это вечно, они не являются сотворенными существами. В другом месте Григорий говорит о Сыне как о связанном с Духом как причина к следствию и использует аналогию

факела, передающего свой свет сначала другому факелу, чтобы коснуться другого, а затем через него третьему, чтобы проиллюстрировать отношение трех лиц.

Очевидно, что доктрина Григория заключается в том, что Сын действует как агент, несомненно, в подчинении Отцу, который является источником Троицы в производстве Духа. После него обычное учение восточной церкви заключается в том, что исхождение Святого Духа происходит от Отца через Сына. Как утверждают каппадокийцы, идея двойного исхождения от Отца через Сына лишена всякого следа субординационизма, поскольку ее установка является искренним признанием *homo oean* духа.

Дух имеет ту же сущность, что и Отец и Сын. Другими словами, Дух также является Богом, хотя Бог один. Каппадокийцы и Троица, кульминацией событий, которые мы изучали, стало подтверждение Никейской веры на Константинопольском соборе в 381 году.

В это время единосущность Духа и Сына была официально подтверждена. Теология, которая возобладала, как показали сами великие каппадокийцы и учителя, такие как Дидим слепой и Евагрий Понтийский может быть справедливо описан как по существу Афанасий. Правда, их угол подхода был несколько иным, чем у него, выходящего из традиции *homo oean*, было естественно, что они должны были сделать три ипостаси, а не одну божественную субстанцию своей отправной точкой.

Подобно Афанасию, они были поборниками *homo oean* как Сына, так и Духа. Суть их учения в том, что единое божество существует одновременно, что отличает его от модалистического монархизма или модализма, которые последовательно считали, что бог существует как Отец, Сын и Дух. Суть их учения в том, что единое божество существует одновременно в трех модусах бытия или ипостасях.

Итак, Босуэлл замечает: «Все, чем является Отец, видимо в Сыне, и все, что видит Сын, принадлежит Отцу, Сын во всей своей полноте пребывает в Отце и, в свою очередь, обладает Отцом во всей полноте в себе. Таким образом, ипостась сына — это, так сказать, форма и представление, посредством которых познается отец, а ипостась отца распознается в форме сына. Здесь мы имеем учение о соприсутствии или, как это позже назвали, перихорезе божественных лиц.

Можно сказать, что божество существует неразделимо в разделенных лицах, и в трех ипостасях есть тождественность природы. У трех одна природа, а именно бог, основа, и единство, являющееся отцом, из которого и к которому

отсчитываются последующие лица. Хотя вся субординационизм исключается, отец остается в глазах каппадокийцев источником или принципом божества.

Это восточное христианство по сей день. Мысль в том, что он передает свое бытие двум другим лицам, и, таким образом, можно сказать, что он является их причиной, однако это вечное наделение бытием. Чтобы объяснить, как одна субстанция может одновременно присутствовать в трех лицах, они обращаются к аналогии всеобщего и его частных.

С этой точки зрения каждая из божественных ипостасей есть *usia* или сущность божества, определяемая ее соответствующей партикулярной характеристикой. Для базальных эти партикулярные характеристики соответственно отцовство Отец, сыновство Сын и освящающая сила или освящение Дух. Другие каппадокийцы определяют их более точно как в генеративности нерожденность Отец рожденность рождение — Сын, а миссия или исхождение — Дух.

Таким образом, различие лиц основано на их происхождении, вечном происхождении внутри божества и взаимной связи. Каппадокийцы, таким образом, проанализировали способы, которыми единая неделимая божественная субстанция распределяется и представляет себя, и поэтому они стали называться способами возникновения. На современном языке вся неизменная субстанция, находящаяся в составе, тождественна всему неизмененному бытию каждой личности.

Индивидуальность — это лишь способ, которым идентичная субстанция объективно представлена в каждом отдельном человеке. Таким образом, каппадокийцы проанализировали концепцию ипостасей *hypostasis* гораздо более тщательно, чем Афанасий. Обвинения в том, что они были тритеистами, абсурдны и должны быть отвергнуты.

Вклад Святого Августина 354-430 величайший отец ранней церкви и, возможно, самый влиятельный христианин в истории церкви, по крайней мере, через Реформацию, поскольку Лютер и Кальвин оба считали его своим учителем. Однако именно Августин дал западной традиции каппадокийцев дал восточной традиции ее форму. Однако именно Августин дал западной традиции ее зрелое и окончательное выражение.

Всю свою жизнь как христианина он размышлял над проблемой Троицы, объясняя доктрину церкви исследователям и защищая ее от нападок. Возможно, его величайшей работой является длинное и подробное обсуждение, известное как *Detritate on the Trinity*, которое он составил в разные даты между 399 и 419 годами. Он без сомнений принимает истину, что есть один Бог, который есть Троица, и что Отец, Сын и Дух одновременно

отличны и единосущны численно едины по своей сути, и его труды изобилуют подробными утверждениями об этом. Он нигде не пытается доказать это; однако, это данность откровения, которую, по его мнению, Священное Писание провозглашает почти на каждой странице и которую католическая вера, вселенская вера, передает верующим.

Это высший пример его принципа, что вера должна предшествовать пониманию. Принцип, ставший более известным благодаря Ансельму, но, как обычно, источником является Августин. В то время как изложение Августином тринитарной ортодоксальности является библейским на протяжении всего его представления о Боге как о абсолютном существе, простом и неделимом, превосходящем категории, формирует его постоянный фон.

Итак, в отличие от традиции, которая сделала отца своей отправной точкой, восточной традиции, которую он начал, он начинает с самой божественной природы. Из этого акцента на единстве божественной природы вытекает несколько следствий. Мы рассмотрим их подробнее завтра. Я просто даю общие сведения в нашей следующей лекции, то есть я просто дам некоторые общие сведения сейчас.

Это приводит к этому различию лиц, которое Августин видит основанным на их взаимоотношениях внутри божества. В-третьих, Августин всегда был озадачен, пытаясь объяснить, что такое исхождение духа или чем оно отличается от рождения Сына. Наконец, наиболее оригинальный вклад Августина в тринитарное богословие заключается в использовании им аналогий из структуры человеческой души.

Следует отметить, что их функция заключается не столько в демонстрации бога, сколько в троице. По его мнению, откровение учит тому, что углубить наше понимание тайны абсолютного единства и в то же время реального различия между тремя. Если Бог позволит, мы рассмотрим учение Августина, которое представляет собой венец тринитарного богословия Запада, в нашей следующей лекции.

Это доктор Роберт А. Петерсон в своем учении о собственно теологии, или Боге. Это сессия 4, Исторические зондирования Троицы, Третьего века и Введение в Августина.